

Н.М. Гутяр

Иван Сергеевич Тургенев

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н.М. Гутияр**
Иван Сергеевич Тургенев / Н.М. Гутияр – М.: Книга по Требованию, 2018. –
404 с.

ISBN 978-5-517-96432-8

ISBN 978-5-517-96432-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2018

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2018

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

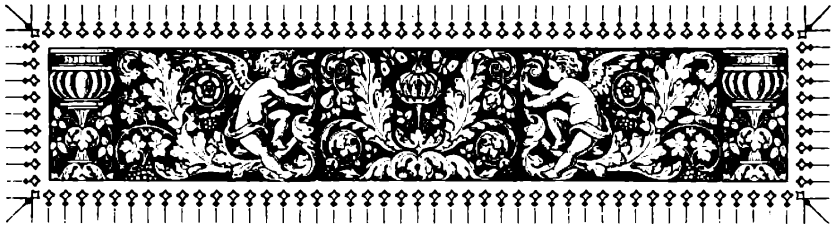
Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

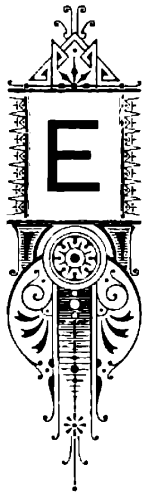
Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

I.

Предки И. С. Тургенева.

Если трудно найти народность, въ массѣ которой не было бы значительной примѣси иноплеменной крови: побѣжденных, побѣдителей, или просто сосѣдей, то тѣмъ труднѣе встрѣтить „чистоту“ крови въ верхнихъ, болѣе подвижныхъ, слояхъ народа, особенно — культурнаго. Фактъ этотъ легко доступенъ провѣркѣ, но провѣряется онъ чаще всего лишь по отношенію къ людямъ выдающимся, біографіи которыхъ и интересуютъ изслѣдователей. Отсюда весьма распространенное мнѣніе, будто отсутствіе „чистоты“ крови — одно изъ главныхъ условій талантовости. Ницше въ своихъ посмертныхъ запискахъ, изданныхъ въ 1904 году, высказываетъ между прочимъ, что лучшіе изъ нѣмцевъ хороши только потому, что въ ихъ жилахъ течетъ не одна своя, но и чужая кровь, преимущественно славянская. Въ числѣ примѣровъ у него фигурируетъ и Бисмаркъ. Тургеневъ говаривалъ иногда то же самое: „Назовите мнѣ въ Россіи хоть одного великаго человѣка чисто русскаго происхожденія?! Пушкинъ — африканская кровь. . . Лермонтовъ — шотландская . . . У Жуковскаго — мать турчанка . . .“

— А Тургеневъ? спросила его разъ г-жа Вiардо.

Иванъ Сергѣевичъ ничего ей не отвѣтилъ, а въ интересахъ послѣдовательности долженъ былъ бы назвать себя татаринномъ.

Въ старинныхъ грамотахъ родовой гербъ Тургеневыхъ описанъ такимъ образомъ: „Подъ рыцарскимъ, лазуреваго цвѣта съ золотымъ подбоемъ, наметомъ, увѣчаннмъ шлемомъ съ обыкновенною золотою дворянскою короной, осѣняемою тремя страусовыми перьями, поставленъ щитъ, раздѣленный на четыре равныя части, изъ коихъ въ нижней половинѣ въ лѣвой части въ голубомъ полѣ золотая звѣзда, изъ Золотой Орды происхождение рода Тургеневыхъ показующая, надъ кою серебряная рогатая луна, означающая прежній магометанскій законъ; а надъ сею частію, въ верхней половинѣ на лѣвой части, въ серебряномъ полѣ, парящій съ распростертыми крыльями и какъ бы отлетающій отъ луны орелъ, смотрящій вверхъ, — означаетъ удаление отъ магометанства и воспареніе къ свѣту христіанской вѣры. Въ той же верхней половинѣ на правой части въ красномъ полѣ обнаженный съ золотою рукояткою мечъ — въ воспоминаніе кроваваго закланія страдальца Петра Никитича Тургенева отъ Гришки Отрепьева самозванца за безбоязненное обличеніе его; въ нижней половинѣ на правой части въ золотомъ полѣ готовый, осѣдланый, бѣгущій по зеленому лугу конь, показующій всегдашнюю рода Тургеневыхъ готовность и ревность къ службѣ государю и отечеству“¹⁾.

Иванъ Сергѣевичъ употреблялъ этотъ гербъ, напри- мѣръ, на печати „Спасской главной конторы“²⁾, зналъ происхождение своего рода и всетаки считалъ себя вполне русскимъ, каковымъ является онъ и въ глазахъ соотечественниковъ, не говоря ужъ объ иностранцахъ.

„Ни одинъ человѣкъ не воплощалъ въ себѣ такъ полно цѣлой народности. Въ немъ жилъ цѣлый міръ и говорилъ

1) „Русск. Стар.“ 1885 г. IX, 366.

2) Гербъ (три золотыя звѣзды и серебряный единорогъ на голубомъ полѣ), помѣщенный въ IV части Общаго гербовника и перепечатанный въ книгѣ Mourier „Tourguénéff à Spasskoé“ принадлежитъ другому роду Тургеневыхъ.

его устами; цѣлыя поколѣнія предковъ, безмолвныя, затеряныя въ забвеніи вѣковъ, черезъ его посредство обрѣли жизнь и слово“. Такъ говорилъ Э. Ренанъ про И. С. Тургенева, прощаясь съ останками великаго писателя, покидавшими Францію. И дѣйствительно, что ни говорили бы про западничество Тургенева, какъ бы ни старались расширить значеніе этого слова или, наоборотъ, придать ему односторонній смыслъ, Иванъ Сергѣевичъ останется „вмѣстѣ и народомъ и избранникомъ народа“, по выраженію того же Ренана. Какъ ни велика была его сознательная любовь къ родинѣ, тайныя силы, связующія его съ самой сутью, сердцемъ русской жизни, были еще значительнѣе. И эти связи были созданы не только воспитаніемъ, но и происхожденіемъ его изъ стариннаго дворянскаго рода. У насъ, болѣе чѣмъ въ какой либо другой странѣ, дворянство — плоть отъ плоти и кость отъ кости великаго національнаго цѣлага — было въ своей лучшей части полнымъ представителемъ народныхъ стремленій и народныхъ идеаловъ.

Тургеневъ любилъ иной разъ разсматривать старинныя родословныя. Разбирая ихъ, онъ какъ-бы глубже проникалъ въ судьбы своей родины, касался тѣхъ сторонъ ея жизни, которыя недостаточно сильно отражаются въ общихъ историческихъ трудахъ изслѣдователей русской старины. Какимъ сочувствіемъ, сочувствіемъ русскаго человѣка проникнуты хотя бы слѣдующія строки его самаго „западнческаго“ произведенія „Дымъ“, о родословной Осининыхъ: „То были настоящіе, не татаро-грузинскіе, а чистокровные князья, Рюриковичи; имя ихъ часто встрѣчается въ нашихъ лѣтописяхъ при первыхъ московскихъ великихъ князьяхъ, русской земли собирателяхъ; они владѣли обширными вотчинами и многими помѣстьями, неоднократно были жалованы за „работы и кровь и увѣчья“, засѣдали въ думѣ боярской, одинъ изъ нихъ даже писался съ „вичемъ“, но попали въ опалу по вражьему наговору въ „вѣдунствѣ и коренняхъ“; ихъ разорили „страшно и всеконечно“, отобрали у нихъ честь, сослали ихъ въ мѣста заглазныя; рухнули Осинины и уже не справились, не вошли снова въ силу; опалу съ нихъ сняли съвременемъ и даже „московскій дворишко“ и „рухлядишку“ возвратили, но ничто не помогло. Забѣднялъ, „захудалъ“

ихъ родъ — не поднялся ни при Петрѣ ни при Екатеринѣ, и все мельчая и понижаясь считалъ уже частныхъ управляющихъ, начальниковъ винныхъ конторъ и квартальныхъ надзирателей въ числѣ своихъ членовъ“.

Иванъ Сергѣевичъ любилъ также пробѣгать поколѣбную роспись и своей родословной. Посѣщавшіе Спасскій домъ при жизни писателя видѣли тамъ на стѣнѣ подъ портретомъ отца Тургенева висѣвшее въ рамкѣ „родословное дерево“ съ неизбѣжными кружечками для именъ на искусно разрисованныхъ вѣтвяхъ и вѣточкахъ могучаго ствола. Изъ своей генеалогіи Иванъ Сергѣевичъ нагляднѣе убѣждался, теплѣе чувствовалъ, какъ самъ онъ крѣпко связанъ черезъ своихъ предковъ съ многораазличными знаменательными моментами родной старины и давно прошедшей и свѣжей еще въ памяти живыхъ поколѣбній. Послѣдуемъ и мы за нимъ, воспроизведемъ важнѣйшіе факты изъ Тургеневскаго прошлаго, которые воспоминались ему, окруженные той исторической и бытовой обстановкой, какая извѣстна была Ивану Сергѣевичу не изъ однихъ семейныхъ преданій и записей, но и по хорошо знакомой ему исторической литературѣ.

Къ срединѣ XV вѣка, когда только что образовалось царство Казанское, и когда набѣги усилившагося Крымскаго ханства стали особенно тяжелы для Московскаго государства, правительство великаго князя Василія Васильевича (1425—1462 гг.) впервые положило начало обдуманной, систематической защитѣ южной и юго-восточной окраинъ московскихъ владѣній. Оборонительныя мѣры выразились прежде всего въ поселеніи по городамъ рѣки Оки — Каширѣ, Серпуховѣ, Касимовѣ и др. — подручныхъ „служилыхъ“ татарскихъ царевичей и мурзъ съ принятіемъ ихъ въ составъ русскихъ вооруженныхъ силъ. Вотъ въ это-то время и выѣхалъ изъ орды къ великому князю Василію Васильевичу мурза Левъ Тургеневъ, получившій во св. крещеніи имя Ивана и ставшій родоначальникомъ той фамиліи Тургеневыхъ, къ которой и принадлежалъ Иванъ Сергѣевичъ. Семейное преданіе, нѣсколько прикрашивая это событіе, передаетъ, что воспріемникомъ при крещеніи былъ самъ великій князь, пожаловавшій крестника своего многими вотчи-

нами въ нынѣшней Калужской губерніи, въ томъ числѣ такимъ огромнымъ имѣніемъ, что почти половина теперешняго Перемышлскаго уѣзда принадлежала ему¹⁾.

Не всѣ Тургеневы, встрѣчающіеся на страницахъ нашей исторіи, ведутъ свое начало отъ мурзы Льва. Потомство послѣдняго еще въ 1688 году, представляя свою родословную въ Разрядъ (приказъ, вѣдавшій дворянскія службы и родословныя), сдѣлало въ ней слѣдующее заявленіе: „А Тургеневы, что служатъ по Ярославлю, Дмитрову, въ Троице-Сергіевскомъ монастырѣ и съ 7195 (1687) года по Москвѣ, и тѣ Тургеневы не нашего роду.“ Такимъ образомъ извѣстные Николай, Александръ и Андрей Ивановичи Тургеневы, равно, какъ и отецъ ихъ Иванъ Петровичъ, масонъ и членъ „Дружескаго ученаго общества“, считающіеся часто родственниками Ивана Сергѣевича, не были съ нимъ въ родствѣ и принадлежали къ фамиліи совсѣмъ иного происхожденія.

Но обратимся къ родословной автора „Записокъ Охотника“. Разсматривая сухой, но полный перечень его предковъ во второмъ томѣ (стр. 536 и слѣд.) сборника В. В. Руммеля и В. В. Голубцова, мы должны прежде всего сдѣлать слѣдующій выводъ: Тургеневы въ царскій періодъ русской исторіи служили главнымъ образомъ по такъ называемому московскому списку, т. е. принадлежали къ столичнымъ служилымъ людямъ: стольникамъ, стряпчимъ, дворянамъ московскимъ и жильцамъ. Всѣ эти четыре „чина“ или общественныхъ слоя составляли второй изъ трехъ крупныхъ разрядовъ, на которые дѣлилось тогдашнее дворянство. Тургеневы не попадали въ высшій — въ члены Боярской Думы, но и не засиживались въ низшемъ, т. е. среди провинціального дворянства. Стольники, стряпчіе, дворяне московскіе, жильцы первоначально были придворными должностями, позднѣе же, съ XVI вѣка, становятся чинами, обязанными ратной и административной службой. Они составляли „государевъ полкъ“, соотвѣтствующій нынѣшней гвардіи. Были высшимъ слоемъ боевыхъ силъ московскаго государства, такъ какъ не только являлись наилучше вооруженнымъ корпусомъ, обыкновенно

1) Записки Мухановой. „Русск. Архивъ“, 1878 г., I, 213,

сопровождавшимъ царя въ военныхъ походахъ, но изъ нихъ же назначались головы и воеводы, т. е. офицеры и полковники въ армейскіе полки, формировавшіеся провинціальнымъ дворянствомъ. Такъ Григорій Михайловичъ Тургеневъ значитъ головою въ Черниговѣ (1598 г.), Афанасій Дмитріевичъ — полковымъ воеводою въ Бѣлгородѣ (1635 г.), Денисъ Петровичъ — полковымъ и осаднымъ воеводою въ Тамбовѣ и т. д. Въ мирное время стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ московскихъ и жильцовъ ставили начальниками второстепенныхъ московскихъ приказовъ (какъ бы директорами департаментовъ), воеводами во второстепенные города, въ свиту къ посламъ. Тургеневыхъ мы встрѣчаемъ на воеводствахъ: въ XVI вѣкѣ — въ Рыльскѣ, Дѣдиловѣ, Каргополѣ, въ XVII в. — въ Осколѣ, Калугѣ, Торжкѣ, Муромѣ, Саратовѣ, Тулѣ, Царицынѣ, Орлѣ и въ другихъ городахъ. Нѣ сколькоихъ Тургеневыхъ находимъ приставами при посольствахъ: Персидскомъ (1590 г.), Шведскомъ (1598 г.), при поѣздкѣ Іерусалимскаго патріарха въ 1649 году и др.

Подобныя же службы несли Тургеневы и послѣ Петровскихъ преобразованій. Имена предковъ Ивана Сергѣевича часто попадаются въ гвардейскихъ полкахъ, преимущественно впрочемъ въ оберъ-офицерскихъ чинахъ. Въ гражданской службѣ они занимали мѣста главнымъ образомъ по дворянскимъ выборамъ: ландратовъ (совѣтники и помощники губернаторовъ), земскихъ комиссаровъ, власть которыхъ была нѣсколько обширнѣе власти смѣнившихъ ихъ при Екатеринѣ II капитанъ-исправниковъ, засѣдателей дворянскихъ опекъ и др.

Почти во всѣхъ крупныхъ событіяхъ, совершавшихся въ нашемъ отечествѣ со временъ Грознаго, мы можемъ найти имена предковъ Ивана Сергѣевича. Въ великихъ заботахъ Ивана IV по завоеванію царствъ Казанскаго и Астраханскаго не послѣднюю роль игралъ Петръ Дмитріевичъ, праправнукъ родоначальника Тургеневыхъ. Въ 1551 году онъ былъ посланъ къ ногайскимъ мурзамъ и князьямъ, чтобы отговорить ихъ итти на помощь къ казанскому царю и „претерпѣлъ въ ордѣ отъ князя Юсуфа (отца царицы Сююбеки) великое поруганіе и былъ ограбленъ“, а затѣмъ убѣдилъ астраханскаго царя Дервиша перейти на службу

Россіи и въ 1554—1555 гг. оставался при немъ въ Астрахани съ русскимъ полкомъ¹⁾.

Передъ самымъ появленіемъ страшной опричины царь Иванъ Васильевичъ, чтобы крѣпче держать въ рукахъ заподозрѣнныхъ бояръ, сталъ брать на нихъ особыя поручныя записи. Въ этихъ памятникахъ знаменитой борьбы Грознаго со своимъ боярствомъ мы встрѣчаемъ въ качествѣ поручителей и нѣсколькихъ Тургеневыхъ. Тотъ же, напримѣръ, Петръ Дмитріевъ сынъ Тургеневъ въ 1562 году „ручалъ и руку приложилъ“ къ записи по князѣ И. Д. Бѣльскомъ, чтобы послѣднему не оставлять службу царю Ивану и его дѣтямъ; въ случаѣ же его побѣга обязывался вмѣстѣ съ другими поручителями заплатить въ казну 10,000 руб. (болѣе 600,000 руб. на нынѣшнія деньги). Въ слѣдующемъ году, среди другихъ, четверо Тургеневыхъ ручались за князя А. И. Воротынскаго и т. д.²⁾

Великая смута въ Московскомъ государствѣ тоже отозвалась на Тургеневыхъ. Петръ Никитичъ за обличеніе Лжедмитрія былъ пытанъ и казненъ въ Москвѣ въ 1606 г. Семейное преданіе рассказываетъ объ этомъ такъ: „Петръ Никитичъ сказалъ лже-царю: ты не сынъ царя Іоанна, а Гришка Отрепѣевъ, бѣглый изъ монастыря; я тебя знаю. — За это голова его пала на плахѣ, а онъ ублажается церковью, какъ св. мученикъ“ . . . „Вообще Тургеневы“, замѣчаетъ дальше преданіе: „отличались честностью и неустрашимостью“³⁾.

Бунтъ Стеньки Разина далъ себя знать предкамъ Ивана Сергѣевича не менѣе больно. Въ 1670 г. въ Царицынѣ сидѣлъ воеводою стряпчій (подполковникъ гвардіи) Тимоѳей Васильевичъ Тургеневъ, когда шайки Васьки Уса 13 апрѣля измѣною проникли въ городъ. Воевода вмѣстѣ съ родственникомъ своимъ Матвѣемъ Павловичемъ Тургеневымъ, прислугою, десяткомъ московскихъ стрѣльцовъ и тремя человѣками царицынцевъ заперся въ башнѣ. Въ городѣ

1) Руммель и Голубцовъ, II, 537. Соловьевъ „Исторія Россіи, II, 93—95, въ изд. товарищ. „Обществ. Польза.“

2) Собран. Государст. грам. и договоровъ, I, № № 175, 179, 184, 191.

3) „Русск. Архивъ“, 1878 г., I, 213.

начались пиры, попойки съ казаками; самъ Разинъ прѣхалъ въ городъ и угостился до пьяна. Въ этомъ видѣ онъ повелъ казаковъ на приступъ къ башнѣ и взялъ ее послѣ долгаго боя. Несчастнѣйшій Тимоѳей Васильевичъ достался живой казакамъ, и на другой день они угостили себя пріятнымъ зрѣлищемъ: привели Тургенева на веревкѣ къ рѣкѣ, прокололи копьемъ и утопили¹⁾. И перешелъ въ память своихъ потомковъ царичинскій воевода подъ именемъ „перво-страдальца“ въ этомъ буйномъ казацкомъ движеніи. Дошелъ разсказъ о немъ и до Ивана Сергѣевича, который подъ впечатлѣніемъ его написалъ удивительную XVI главу „Призраковъ“.

Наступила тяжелая пора великихъ преобразованій, когда всѣ классы общества были призваны къ самой напряженной работѣ. Петръ заставилъ прежде всего дворянъ „узнавать съ фундамента солдатское дѣло“ и нѣсколько Тургеновыхъ зачислены были нижними чинами въ гвардейскіе полки, гдѣ должны были наравнѣ съ рядовыми изъ тяглыхъ людей ходить на работы, чистить каналы, возить провіантъ и даже бѣгать на посылкахъ у офицеровъ. Безпрерывныя войны великаго преобразователя вырвали изъ числа Тургеновыхъ стольника Ивана Михайловича, убитаго подъ Юрьевымъ въ 1704 г. Другому, стольнику же, Ивану Григорьевичу Тургенову, было велѣно въ 1713 г. отправиться на старости лѣтъ на островъ Котлинъ въ числѣ первыхъ русскихъ поселенцевъ на вновь завоеванныхъ мѣстахъ²⁾.

Теперь однако пора обратиться къ предкамъ Ивана Сергѣевича исключительно по прямой восходящей линіи: къ родному прапрадѣду писателя Роману Семеновичу, къ прадѣду — Алексѣю Романовичу, женатому на П. М. Сухотиной, и къ дѣду — Николаю Алексѣевичу, женатому на Е. П. Апухтиной.

Романъ Семеновичъ Тургеновъ, помѣщикъ Медынскаго, Карачевскаго, Мещовскаго, Малоярославскаго и Саранскаго уѣздовъ, началъ службу въ 1700 г. и въ 1704 г. изъ жиль-

1) Соловьевъ. „Исторія Россіи“, III, 305.

2) Соловьевъ. „Исторія Россіи“, IV, 161.

цовъ, т. е. изъ чина, соотвѣтствующаго нынѣшнему поручику гвардіи, въ силу новыхъ Петровскихъ порядковъ былъ записанъ въ солдаты въ Преображенскій полкъ и въ томъ же году переведенъ унтеръ-офицеромъ въ „Драгунскій шквандронъ Шереметева“ и до конца царствованія Петра Великаго не выходилъ изъ строевой службы. Въ 1705 г. произведенъ въ прапорщики, въ 1708 г. — въ поручики; въ 1709 г. числился поручикомъ „лейбъ-шквадрона“ въ рангѣ капитана; въ 1715 г. — ротмистромъ ранга премьеръ-маіора; въ 1722 г. — премьеръ-маіоромъ въ полевыхъ полкахъ; наконецъ въ 1726 г. — подполковникомъ и капраломъ кавалергардовъ. Съ 22 іюля по 14 декабря 1731 г. онъ, уже въ чинѣ полковника, занимаетъ отвѣтственное мѣсто управляющаго дѣлами при гетманѣ Малороссіи Д. П. Апостолѣ. Анна Іоанновна, желая сильнѣе слить Украину съ имперіей, снова подчинила Малороссію сенату, изъявъ ее изъ вѣдѣнія иностранной коллегіи. Эта мѣра и вызвала командировку на югъ Тургенева, смѣнившаго тамъ кн. Шаховскаго¹⁾. Въ 1736 г., во время войны Россіи съ Турціей, Романъ Семеновичъ получилъ мѣсто оберъ-кригсъ-комиссара армейской походной комиссіи (завѣдывающаго денежнымъ и вещевымъ довольствіемъ войскъ).

Судьба сына его, Алексѣя Романовича была интереснѣе. О первоначальной его службѣ въ сборникѣ Руммеля и Голубцова сказано только, что онъ былъ съ 1 мая 1730 г. пажомъ императрицы Анны; въ началѣ 1737 г. былъ выпущенъ поручикомъ въ Углицкій пѣхотный полкъ и въ томъ же году посланъ былъ изъ подъ Очакова курьеромъ ко двору. На пути раненъ и взятъ въ плѣнъ въ Турцію, гдѣ и пробылъ до 1740 г. Семейное преданіе рассказываетъ объ этихъ фактахъ подробнѣе: „Алексѣй Романовичъ Тургеньевъ служилъ въ пажахъ у императрицы Анны Іоанновны. По ревности Биронъ удалилъ его, пославъ въ армію, дѣйствовавшую тогда противъ турокъ, съ приказаніемъ его погубить. Онъ попался въ плѣнъ и взятъ султаномъ въ гаремъ, гдѣ подавалъ ему кофе и раскуривалъ трубку. Его принуж-

1) Соловьевъ. „Исторія Россіи“, IV, 1521.

дали принять магометанскій законъ, за что онъ претерпѣлъ много побоевъ, такъ что тоже можетъ считаться исповѣдникомъ. Любимая султанша увидѣла его какъ-то, плѣнилась его красотою, сжалилась надъ нимъ, передала ему какими-то средствами наполненный золотомъ кошелекъ, съ совѣтомъ бѣжать въ отечество, доставила ему вмѣстѣ съ этимъ проводниковъ до границы. Мать его, женщина набожная, ежедневно молила Бога передъ образомъ Святителя Николая о благополучномъ возвращеніи сына, съ обѣтомъ построить церковь. Однажды она молилась передъ этимъ образомъ; внезапно отворяется дверь, и входитъ давно ожидаемый сынъ. Она исполнила обѣтъ, построила церковь во имя св. Николая¹⁾. Съ 1740 г. Алексѣй Романовичъ служилъ капитаномъ въ Рязанскомъ драгунскомъ полку, съ 1749 г. — премьеръ-майоромъ и 1751 г. — подполковникомъ; въ 1753 г. за ранами былъ уволенъ отъ военной службы. Но съ 1760 г. занималъ мѣсто совѣтника въ Ревизионъ и Камеръ-коллегіяхъ. (Первая соотвѣтствовала нынѣшнему Государственному контролю, вторая же коллегія — какъ бы департаменту окладныхъ и неокладныхъ сборовъ.) Въ 1772 г. „уволенъ вовсе“ отъ службы съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и умеръ въ 1777 году. Похороненъ вмѣстѣ съ братомъ Дмитріемъ подъ однимъ памятникомъ у церкви кладбища села Никольскаго Перемышлскаго уѣзда Калужской губерніи. Послѣ 1812 г. кладбище это было упразднено. На его мѣстѣ, а также на мѣстѣ церкви оказалось чистое поле съ одинокимъ памятникомъ²⁾.

Относительно дѣда Ивана Сергѣевича — Николая Алексѣевича Тургенева находимъ только слѣдующія данныя (въ сборникѣ Руммеля и Голубцова): родился онъ въ 1749 г., служилъ съ 1766 г. въ артиллеріи и съ 1773 г. — въ лейбъ-гвардіи Семеновскомъ полку фурьеромъ; съ 1777 г. — гвардіи сержантомъ и въ 1780 г. уволенъ отъ службы гвардіи прапорщикомъ. Были слухи, что этотъ Николай Алексѣевичъ былъ сыномъ императрицы Елиза-

1) „Русск. Архивъ“, 1878, I, 214.

2) *ibid.*